

Анна Голубкова

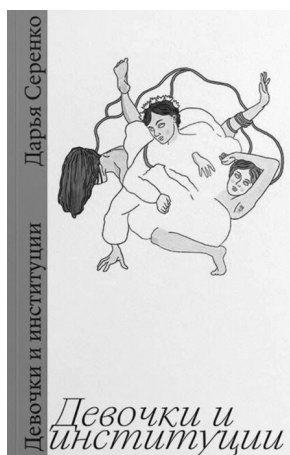
«Рабство» и «работа» — слова однокоренные

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_295

Серенко Д. Девочки и институции

М.: No Kidding Press, 2021. — 92 с.; ил. К. Чарыевой

Эта книга, как верно замечает в предисловии Мария Кувшинова, родилась из заметок в фейсбуке, тем не менее ее нельзя полностью свести к популярному ныне автофикшену. В послесловии Дарья Серенко рассказывает, что на самом деле книга обобщает не только ее собственный опыт работы в государственных учреждениях культуры, но и опыт ее коллег, а также тех, кто поделился с ней своими историями. Но и причислить эту книгу к модному во времена натурализма жанру физиологического очерка тоже вряд ли получится. Потому что этот опыт представлен в поэтически преображенном виде. И удивительным образом получившаяся художественная реальность дает наиболее точное представление об эпохе, которая только что ушла в прошлое.

«Существующая система, сделавшая своей идеологией отрицание реальности и на каждом новом витке расхождения с ней увеличивающая градус бреда, может быть документально описана только как кошмарный сон, который видит девочка накануне пробуждения», — отмечает Мария Кувшинова. В этой оценке бюрократическая бессмысленность становится основополагающим принципом организации бытия, которое может быть изменено только самым кардинальным образом.

Несколько иначе подходит к рассмотрению этой книги в своей рецензии Анна Глазова. Она делает акцент на субъектности рассказчицы и других женских персонажей книги: «Субъектность, выстроенная в книге Серенко, поэтична по своей сути: она не ограничивается прозаичностью повседневных рабочих коммуникаций, а превращает сами коммуникации в поэтический или даже магический процесс»¹. В этой статье речь также идет о присвоении и пересборке бюрократического языка. Таким образом, по Анне Глазовой, «девочкам» удастся найти возможность если не жить внутри институции, то хотя бы справиться с ней путем перестройки языка и всего способа восприятия.

О попытке соединить языки поэтический и бюрократический пишет также и Елена Васильева в журнале «Прочтение», называя «Девочки и институции» «книгой-перформансом». Тем не менее в оценке содержания она фактически

1 Глазова А. Важная книга: «Девочки и институции Дарьи Серенко» // Полка. 2021. 10 ноября (<https://polka.academy/materials/818>).

сходится с Марией Кувшиновой. По мнению Елены Васильевой, Дарья Серенко пишет в своей книге «о бессмысленности такой работы и ее ритуалов, об угнетенности институциями, о безжалостности коллег и прочей кадавровой подноготной»². Интересный комплекс мнений представлен на сайте премии «Национальный бестселлер»³. Причем отзывы, написанные женщинами, в основном сочувственные, а мужчинами — в основном критические. Общий их смысл можно выразить двумя фразами: «Да она просто работать не хочет» и «Некоторые о такой работе могут только мечтать».

Действительно, возможность заниматься тем, что хоть в какой-то степени интересно, для многих является недостижимым идеалом. Но ведь и героине этой книги ее работа вовсе не нравится. Причем переход на другое место ни к чему не приводит, потому что все институции по своей сути оказываются абсолютно одинаковыми. И причину этого автор книги видит в общем устройстве государственной системы: «Как бы девочки ни пытались покинуть свои институции, институции всякий раз догоняли их и накрывали с головой. Любая работа превращается в работу на действующий порядок, потому что порядок уже и так разлит в воздухе, интернализирован дыханием и биением сердца, выделяется вместе с нашими слезами и потом» (с. 76). Бюрократия обращается в онтологию, государственное насилие стремится проникнуть буквально в каждую клеточку частной жизни. И даже смерть оказывается вписанной в строго регламентированный бюрократический порядок, а в крематории работают точно такие же «девочки». Но тем не менее кое-что от этого порядка все-таки может ускользнуть.

В первую очередь это женское тело, которое не подвластно никакой бюрократической регламентации, разрывает все дедлайны и в один прекрасный момент отказывается подчиняться спущенным сверху распоряжениям. Во вторую — женская солидарность, которая иногда проявляется даже на уровне физиологии. Кроме того, поддавшись определению и встав в общий строй, можно на самом деле из этого строя ускользнуть именно благодаря солидарности и поддержке: «Я девочка. Я называю себя так с самого первого дня, но не считаю это своим неотъемлемым свойством. Другие девочки показали мне, что можно быть динамичной константой и что погрешность — это самое главное в наших замерах друг друга» (с. 46). Вроде бы навсегда выстроенная и отлаженная система дает сбой, и репрессированная женственность оказывается той самой погрешностью, которая позволяет начать заново выстраивать собственную идентичность.

В «Девочках и институциях» есть даже пример такой успешной стратегии, и связана она, конечно же, с письмом, помогающим пересоздать себя и покинуть раз и навсегда заданную бюрократическую колею: «Из всех нас Оксана уволилась первая. Формально мы подали заявления одновременно, но Оксана ушла на самом деле еще полгода назад: мы помним этот день, когда потух ее взгляд. Ей давно было не до нас, и она сидела за своим столом как тихая и деятельная тень... Уволившаяся Оксана быстро пошла в гору: получила премию, написала роман, вырастила сад на окне, съехала с женой. Мы все пророчили ей большое будущее: Оксанина биография сама складывалась в литературное

2 Васильева Е. Хождение по мукам // Прочтение. 2022. 1 марта (<https://prochtenie.org/reviews/30842>).

3 См.: <http://www.natsbest.ru/award/2022/book/devochki-i-institucii/>.

повествование» (с. 73—74). Интересно, что повествовательница, которая биографически отнюдь не равна самой Дарье Серенко, фактически своей книгой повторяет этот же путь. Она проговаривает травму столкновения с бездушной машиной институций и тем самым от нее освобождается. Причем эта книга, в отличие от многих автофикциональных произведений, с самого начала выходит на уровень обобщения и до конца на нем удерживается.

Это подчеркнуто двумя завершающими текстами — «Предысторией» Дарьи Серенко и «Послесловием» Ксении Чарыевой. «Предыстория» призвана разделить рассказчицу и автора текста, показать условность ее позиции. То, что казалось частным обстоятельством в самой книге, особенно если читатель не знаком с биографией Дарьи Серенко, благодаря этому тексту становится всеобщим. А Ксения Чарыева снова возвращает это общее к личному опыту. И таким образом мы видим, что личное не только сразу же становится политическим, но и продолжает при этом оставаться личным, не теряя признака уникальности отдельного опыта.

Ну и, в-третьих, очевидным способом ускользнуть от бюрократического порядка является юмор. Ведь любой абсурд, как мы это знаем по опыту ОБЭРИУ и еще раньше — Гоголя и Салтыкова-Щедрина, всегда очень смешон. Кроме того, именно юмор оказывается оружием безоружных. Когда невозможно что-то радикально поменять, вернее, каждое изменение еще глубже затягивает в бюрократическое болото, именно смех становится лазейкой к свободе и способом хотя бы внутри себя оградить замкнутую и давящую ситуацию. Поэтому книгу «Девочки и институции» Дарьи Серенко можно еще и буквально с самого начала читать как книгу очень смешную. Все эти мелочи, разросшиеся до размера Эвереста, абсурдные директивы и установления, правила, которые кажутся непреложными и которые на самом деле можно просто-напросто не соблюдать, конечно же, очень смешны — и не только постороннему наблюдателю, но и прежде всего изнутри самой этой системы. Она кажется незыблемой, но, и мы знаем это по опыту недавней истории, может обрушиться в любой момент.

С самого начала в этой книге было что-то неуловимо знакомое, но я никак не могла понять, что, пока не прочла эпизод с концертом: «У выхода из концертного зала два охранника остановили меня: им сказали никого не выпускать ни под каким предлогом, так как артисты отработывают государственные деньги. Работники должны не уходить, а наслаждаться» (с. 14). Внезапно случилось практически полное совпадение опыта. В 1988 году меня отправили на районное комсомольское собрание, с которого я точно так же попыталась сбежать, потому что собрание затянулось, а в этот день по телевизору показывали фильм «Асса». Гардеробщица отказалась выдавать мне одежду, так что пришлось симулировать припадок сильной желудочной боли.

И вот в этой точке все внезапно встало на свое место. «Девочки и институции» описывают постсоветскую, но одновременно и позднесоветскую реальность. И наилучший контекст для прочтения книги — это, конечно же, тот самый фон, на котором происходит действие фильма «Служебный роман» (1977). «Статистическое учреждение» из этого фильма очень похоже на институции из книги Дарьи Серенко, а сотрудницы учреждения напоминают ее героинь до степени неразличения. Из этого следует очень печальный вывод: либо эта атмосфера бюрократического ада смогла пережить упадок 1990-х, либо она удивительным образом возродилась в конце 2000-х. И если смотреть

на книгу с этой точки зрения, тогда ключевым, на мой взгляд, станет эпизод с красным флагом:

Мы ничего уже не успевали придумать, поэтому достали из кладовки флаг СССР и развернули его. Флаг сразу же начал положительно влиять на нашу посещаемость. Людям к нему тянуло. Местный участковый, увидев наш флаг, отдал ему честь. Бабушка из соседнего подъезда, поравнявшись с флагом, перекрестилась.

Пенсионер и его внук-подросток замерли у нашего крыльца в бесконечном громком диалоге:

— Да у меня прадеда репрессировали!

— Твой прадед — это мой отец, мне лучше знать, что с ним произошло! (с. 48)

Вот она, советская бюрократия, которая продолжает жить и процветать через тридцать лет после распада СССР. А вот общество, которое приветствует и постоянно порождает эту самую бюрократию. И в то же время постоянно над ней смеется. С другой стороны, конечно, это явление вневременное и наднациональное. Кафка, Замятин, в отдельных моментах — Салтыков-Щедрин, а из современников — Дмитрий Данилов с романом «Саша, привет!» — тот контекст, в котором мы прочитываем книгу Дарьи Серенко.

Дополнительный смысловой ряд и одновременно отдельное самостоятельное высказывание предлагают замечательные иллюстрации Ксении Чарыевой, соединяющие современность сразу с несколькими архаическими пластами. Это и древнегреческие мотивы, к которым отсылают одежда некоторых женских фигур и их пустые глаза, и древние практики восточных единоборств. Амазонки, запутавшиеся в тенетах дедлайна, пытаются вырваться на свободу. И никому не рекомендуется смотреть в их пустые глаза, повернутые внутрь самих себя.